

И. А. Сергеева

канд. ист. наук

*Национальная библиотека Украины
имени В. И. Вернадского*

**“...ЭТА КОЛЛЕКЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕПОВТОРИМОЙ
И ЕДИНСТВЕННОЙ В МИРЕ...”. СУДЬБА МУЗЕЯ
ЕВРЕЙСКОГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ 1917 года**

Проанализированы предпосылки создания первого еврейского музея в Петербурге в 1914 г., раскрыт процесс накопления экспонатов для музейной экспозиции, определена роль С.А. Ан-ского в открытии Музея Еврейского историко-этнографического общества и его деятельности после 1917 г.

Ключевые слова: Музей Еврейского историко-этнографического общества, С.А. Ан-ский, этнография, фольклор, экспонаты.

Семен Акимович Ан-ский (Шлойме Зайнвил Раппопорт, 1863–1920), писатель, этнограф, фольклорист, политический деятель, один из ярких представителей поколения Гаскалы, вошел в историю как организатор и бессменный руководитель Еврейской этнографической экспедиции, автор драмы “Диббук”. Менее известен он как идеолог и организатор еврейского музейного дела. Хотя именно ему принадлежала идея создания первого в Российской империи еврейского музея, реализованная в 1914 году в Петербурге. На основе собранных в экспедиции материалов Ан-ский не только создал Музей, выстроил экспозицию, организовал работу по дальнейшему формированию музейных фондов, но в течение нескольких лет был директором музея. Именно Ан-скому принадлежит определение Еврейского музея как “Академии, где будет изучаться фольклор...”¹.

Вероятно, к мысли о необходимости создания еврейского музея Ан-ский пришел по мере конкретизации задач этнографической экспедиции. Впервые понятие “еврейский музей” появляется в его

черновых записях плана 1-ой экспедиции: “сбор предметов еврейской старины (для будущего еврейского музея): старинные книги, рукописи, документы, предметы еврейского искусства..., предметы культа, старинные женские украшения, старые костюмы, реликвии, предметы, связанные с памятью выдающихся лиц и событий, и т.д.”; в смете 1-ой экспедиции среди других статей Ан-ский планирует расходы “на покупки старинных предметов для музея”². Включая в задачи будущей экспедиции сбор произведений еврейского художественного творчества, бытовых и ритуальных предметов, а также фотографирование “памятников, старинных или замечательных зданий, и др.”³, Ан-ский предполагает расширение источниковой базы еврейской этнографии, в сферу которой отныне, наряду с фольклорными материалами, войдут и визуальные объекты – предметы быта и народного искусства. Для их размещения с очевидностью потребуются музеи.

Согласно воспоминаниям председателя Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО) Максима Винавера, “Ан-ский читал доклады, показывал световые картины своих путешествий, но главная его забота была направлена на создание Музея”⁴. Если на первых порах основное назначение музея Ан-ский видел в сохранении и размещении экспонатов, то по мере их накопления, включения в сферу этнографического обследования и лекционной деятельности, музей в его представлении превращается в важнейший орган национального “самопознания”. Здесь, по мнению Ан-ского, “наиболее сложные и спорные вопросы национальной сущности” могут быть разрешены “путём изучения жизненных устоев, дум и чаяний народной массы, выражающихся в ее верованиях, ее обычаях и творчестве”⁵.

Собранные экспонаты временно хранились в музейном помещении ЕИЭО (Петербург, Васильевский остров, 5-я линия, дом 50). Комитет Общества приурочил официальное открытие музея к выступлению Ан-ского с отчетом “О работах Этнографической экспедиции имени барона Г.О. Гинцбурга, обследовавшей более 60-ти пунктов Волынской и Подольской губерний”, которое состоялось в зале богадельни Гинсбурга (находившейся по тому же адресу) 19 апреля 1914 г.⁶

Отчет Ан-ского начинался со следующей декларации, сохранившейся в его черновиках: “Перед каждым народом, живущим исторической жизнью, стоит на первом плане задача самопозна-

ния. Главным, если не единственным, средством к достижению этой цели является изучение жизни народа, его прошлого и настоящего, его быта, верований, поэтического и художественного творчества. Сознавая это, культурные народы обоих полушарий уже давно начали проявлять в высшей степени внимательное и бережное отношение к духовному богатству, которое в течение тысячелетий создавалось народными массами... В настоящее время имеется огромная этнографическая литература и множество этнографических музеев, дающих более или менее полную картину быта и творчества чуть ли не всех народов земного шара.” Отмечая отставание российских евреев в этой области, Ан-ский убеждал слушателей в необходимости расширения этнографических исследований, “систематического собирания произведений народного творчества”, “этнографических предметов и реликвий для будущего еврейского музея”⁷.

Открывая музейную экспозицию, Ан-ский подчеркнул воспитательное значение собранных памятников еврейской старины: “Ознакомление с нашим прошлым, в котором имеется и много красивого, может послужить средством для национализации нашей молодежи...”⁸. Он повторил свою излюбленную мысль: “В нашей массе имеются залежи народного творчества, которое может обогатить индивидуальное творчество”, и с гордостью подчеркнул, что часть собранных экспедицией народных преданий и легенд “уже поступила в художественную переработку еврейских художников слова: Ш. Аша, Переца и Бялика”⁹.

Последний этап биографии Ан-ского-этнографа (1914–1920) пришелся на годы войны и революций в России. К лету 1914 г., когда работу экспедиции прервала первая мировая война, в ее коллекции было “700 с лишним предметов старины, имеющих музейную, художественную и реликвийную ценность и положенных в основу Еврейского национального музея, который будет в скором времени открыт в Петрограде”. Для музея предназначалась и “коллекция старинных оригинальных рисунков, заглавных листов пинкасов, мизрахов, кеттуб и др., около 1500 фотографических снимков со старинных синагог, внутреннего их украшения, кивотов, амвонов, художественных предметов культа, надгробных памятников, типов, сцен и т.д.”¹⁰.

Неотложной задачей ЕИЭО стало “спасение национальных святынь”. Бывший сотрудник виленского Общества любителей еврейской старины Борис Рубштейн занялся этим в общинах, ока-

завшихся в районе Северо-западного фронта, а Ан-ский – в районе Юго-западного фронта. Благодаря им музейная коллекция ЕИЭО пополнялась новыми экспонатами, в том числе свидетельствами трагедии, пережитой еврейскими общинами в годы войны¹¹.

Из-за отсутствия у Ан-ского “права жительства” в Петербурге руководство формирующимся музеем принял на себя заведующий архивом ЕИЭО Сальвиан Гольдштейн¹², а хранителем музейной коллекции стал архивариус Исак Лурье. Ан-ский координировал работы по формированию экспозиции¹³. К весне 1917 г. около тысячи экспонатов были размещены в витринах просторного зала Еврейской богадельни, и музей, наконец, открылся для широкой публики¹⁴.

В июле 1917 г. Ан-ский, всей душой принявший и приветствовавший Февральскую революцию, активно участвует в политических и партийных делах, баллотируется в Учредительное Собрание, но ни на минуту не забывает о делах музейных. В отрывочных дневниковых записях постоянно присутствуют упоминания о музее: “Маршак – для музея; Рубинштейн – для музея. Закон – для музея. Стекла – сортировка. Программа работы этн[нографической] секции”¹⁵. Запись от 19 августа [1917 г.]: “Поехал ко мне Юдовин, его снял для биографического очерка. Вспоминали старину. Как Русанов заснул, слушая программу “Аграрной лиги”, как мы вместе ко всем обращались без успеха. Очень ему понравился музей. Был покорен им”¹⁶.

Еврейский музей, открытый Ан-ским в революционном Петрограде (“Музей и архив еврейского историко-этнографического общества в последнее время настолько обогатились новыми приобретениями, что комитет признал полезным открыть их для обозрения. Музей и архив (Петроград, Васильевский остров, 5-я линия, д. 50) открыты для обозрения по воскресеньям, вторникам и пятницам, от 11 до 2-х часов дня”¹⁷), просуществовал всего несколько месяцев. Осенью 1917 г. сотрудники музея, опасаясь налётов и грабежей, спрятали большинство экспонатов в надёжном хранилище, по-видимому, не успев составить ни каталога, ни полной описи экспонатов.

Семен Дубнов, один из основателей ЕИЭО, сделал запись об этих событиях в Дневнике: “10 апреля (вечер). Опять разорванность души. ...Вчера сию в заседании Национального совета, вбегает Лурье (мой секретарь по “Еврейской старине”), и сообщает, что явились юнцы из большевистского Комиссариата по еврейским делам

и опечатали двери помещения нашего архива-музея (Историко-этнографического общества) на Васильевском острове; обещали прийти завтра, чтобы взять архив в свое ведение. Сегодня получил официальное сообщение от отдела “культуры” в комиссариате: ввиду слухов о “расхищении вещей в музее и архиве”, они производят ревизию. Двое членов этого отдела комиссариата мне известны: книжный клептоман, бестолковый Берлин, ходивший ко мне года три назад с заметками для “Старины”, и некий Бухбиндер, год назад доставивший мне статью о Леванде, переделанную по моим указаниям. Эти субъекты, очутившиеся в ведомстве Луначарского, теперь занялись ревизией музеев и архивов. Я написал в Академию наук и просил протестовать против экспроприации научного общества.

15 апреля (утро). В непривычной суете прошли последние дни. Хлопоты по делу архива, объяснения с помощником комиссара просвещения, неким молодым человеком Гринбергом, который после моего протеста обещал снять печати с архива и музея. ...Пока, однако, архив еще не распечатан. Приехал Ан-ский, и я на него возложу все дело, которое ему по плечу”¹⁸.

Сам Ан-ский в 1918 году, небезосновательно опасаясь ареста, вынужден был бежать из Петрограда сначала в Москву, а через пару месяцев – в Вильну и Варшаву, где в ноябре 1920 года скончался в госпитале.

Перед отъездом из Петрограда, Ан-ский, прекрасно понимая, что большевики могут просто уничтожить собранную им музейную коллекцию, передал на временное хранение в Российский этнографический музей наиболее ценные экспонаты, составив достаточно подробную опись и подписав соответствующие документы. “Предварительная расписка. 24 мая 1918 г. по распоряжению директора музея А.А. Миллера принято от С.А. Раппопорта (Ан-ского) на временное хранение в Этнографический отдел пять (5) ящиков, опечатанных сургучной печатью с знаком “Еврейское Историко-Этнографическое Общество” и заключающих в себе, по свидетельству С.А. Раппопорта этнографические еврейские предметы, собранные особой экспедицией.

Эта временная расписка подлежит возвращению и замене ее формальным условием, которое может быть заключено с С.А. Раппопортом (Ан-ским) Этнографическим отделом Русского музея. Дело-производитель Этнографического Отдела Русского Музея Альбертс

(ниже – рукой Ан-ского. – *И.С.*): Предварительная расписка получена мною 24 мая 1918 г. С. Раппопорт (Ан-ский)¹⁹. “Суммарная опись. Коллекция предметов еврейской художественно-этнографической старины, собранных еврейской этнографической экспедицией, организованной С.А. Раппопортом – Ан-ским заключается в пяти местах:

№ 1. Ящик, заколоченный гвоздями и обвязанный веревкой с печатью “Еврейское Историко-Этнографическое Общество”. Заключает в себе один канделябр XVII в. с 8-ю рожками художественной работы.

№ 2. Ящик заколоченный и обшитый рядом с тою же печатью. Заключает в себе серебряные предметы культа, лампы, гвоздичницы, короны для свитков, навески, ручки, бокалы, женские старинные украшения и проч. Всего 239 предметов.

№ 3. Корзина, замкнутая двумя замками с печатями и обшитая рядом, и запечатанная тою же печатью. Содержит старинные ткани: завесы для кивота, старинные мужские и женские одеяния и украшения, покровы. Рисунки и картины. Всего 123 предмета.

№ 4. Чемодан, замкнутый и обшитый рядом с тою же печатью. Содержит: пару серебряных подсвечников XVII в. Корону, навесок, ручки, ковш, бокал – серебряные, XVII–XVIII в. 3 завесы и скатерть. Все принадлежит большой синагоге гор. Луцка, отдано С. Раппопорту на хранение до конца войны. Всего 11 предметов.

№ 5. Ящик, заколоченный, с тою же печатью. Медные лампы, части (фигурки) с канделябр[а], медные чаши художественной работы. Всего 16 предметов²⁰.

В 1922 году, когда положение в постреволюционном Петрограде более ли менее стабилизировалось, Еврейское историко-этнографическое общество решило вновь открыть музей, правда, несколько изменив его идеологию (что совершенно понятно; этнографический музей, задуманный и фактически осуществленный Ан-ским, никак не вписывался в “воспитание пролетарских масс”). В связи с этим Председатель Общества, известный этнограф, член Российской Академии наук Лев Штернберг и директор Музея Илья Гинзбург обратились в Русский музей с просьбой вернуть переданную Ан-ским во временное хранение коллекцию. “В 1917 году покойный С.А. Раппопорт, заведовавший в то время музеем Еврейского историко-этнографического общества, опасаясь грабительских налетов на Музей, не имевший тогда достаточной охраны,

передал часть наиболее ценных коллекций на хранение в Этнографический отдел Русского музея.

В настоящее время Музей Еврейского историко-этнографического общества приведен в полный порядок, обставлен всеми гарантиями безопасности, и Общество имеет достаточно средств, чтобы расширить его и сделать для научного и просветительного пользования.

В виду этого, а также в виду того, что коллекции, хранящиеся в Этнографическом отделе Русского музея, представляют неразрывную часть систематически собранных в Музее Общества собраний, Общество, принося свою глубокую признательность за товарищескую услугу, оказанную Отделом музею, просит распоряжения Совета выдать уполномоченному Общества упомянутые коллекции. Председатель общества Л. Штернберг. Директор музея И. Гинцбург²¹.

Приведенное письмо датировано ноябрем 1922 года, но еще в июне-июле в Русском музее была создана комиссия по “ревизии сданных на хранение и бесхозных коллекций” (фактически – комиссия по инвентаризации), результатами работы которой стал документ, которым вся коллекция Ан-ского принималась на учет и, таким образом, становилась частью музейных фондов. “...П. 16. С.И. Руденко доложил о работах комиссии по ревизии сданных Отделу на хранение и бесхозных коллекций. ... другая коллекция в составе 5 ящичков поступила на хранение в 1918 г. от члена Еврейского Историко-этнографического общества С.А. Раппопорта. Коллекция эта, состоящая из предметов культа и быта евреев Западного края, представляет чрезвычайную ценность и научное значение. В виду невозможности приобрести подобные вещи покупкой, эта коллекция является неповторимой и единственной в мире. Она была собрана С.А. Раппопортом во время последней войны при отступлении Русских из Западного края. С.И. Руденко разъяснил, что по условиям музея вещи передавались ему на хранение на один год, по истечении которого должны были поступить в собственность музея. Кроме того, имеется распоряжение Акцентра не выдавать принятых на хранение коллекций.

А.А. Миллер, подтвердив научное значение коллекции С.А. Раппопорта, сообщил, что, хотя эта коллекция собрана при содействии Еврейского Историко-этнографического общества, но С.А. Раппопорт считал себя распорядителем коллекции и сдал ее на хранение в Этнографический отдел от своего имени, причем ему были объяв-

лены условия хранения, принятые в Музее. Для подписания акта об этом С.А. Раппопорт должен был прибыть в Отдел вторично, но не явился.

Б.Г. Крыжановский указал, что коллекция С.А. Раппопорта собиралась не научно, по плану, который выработало бы Еврейское Этнографическое Общество, а накапливалась случайно. Большое ее научное значение является не заслугой Еврейского Этнографического общества, а результатом исключительных исторических условий, при которых она составлялась.

С.И. Руденко сообщил, что по имеющимся у него сведениям, С.А. Раппопорт в прошлом году скончался, а А.К. Сержпутовский, согласно имеющимся у него официальным сведениям, доложил, что Еврейское Историко-этнографическое общество в настоящее время не существует.

Совет, рассмотрев обе коллекции, постановил:

...2. Признать коллекцию предметов культа и быта евреев, сданную в 1918 г. С.А. Раппопортом на хранение в Этнографический отдел, имеющей исключительное научное значение и, в виде истечения срока хранения, согласно правил Русского Музея, считать ее поступившей в собственность Этнографического отдела, почему и приобщить ее к его собраниям”²².

Позволяю себе столько пространное цитирование документов, так как именно они и определили дальнейшую судьбу Еврейского музея. А вот выделенные шрифтом фрагменты, безусловно, следует прокомментировать.

Сотрудники Этнографического отдела Русского музея, докладывавшие состояние дел с коллекцией Музея ЕИЭО (коллекцией С. Ан-ского), обосновывая необходимость сохранения собрания в фондах РМ, несколько лукавили. Так, А. Миллер не мог не знать, что пять ящиков, принесенных Ан-ским, не являются его собственностью, а принадлежат ЕИЭО (в процитированной ранее “Расписке” достаточно четко указано, что Миллером “принято от С.А. Раппопорта (Ан-ского) на временное хранение в Этнографический отдел пять (5) ящиков, опечатанных сургучной печатью с знаком “Еврейское Историко-Этнографическое Общество” и заключающих в себе, по свидетельству С.А. Раппопорта этнографические еврейские предметы, собранные особой экспедицией”). Подпись только одного Ан-ского под распиской в 1918 г. объясняется тем, что последний был, во-первых, фактически директором Еврейского музея, а, во-

вторых, конец мая 1918 года в охваченном большевистским террором Петрограде был отнюдь не самым подходящим для соблюдения бюрократических формальностей временем.

Следом за А. Миллером не до конца объективен был Б. Крыжановский, который "...указал, что коллекция С.А. Раппопорта собиралась не научно, по плану, который выработало бы Еврейское Этнографическое Общество, а накапливалась случайно. Большое ее научное значение является не заслугой Еврейского Этнографического общества, а результатом исключительных исторических условий, при которых она составлялась". Хотя даже имеющаяся в РМ "Расписка" уже отрицала "случайное накопление" – четко фиксируя, что передаются предметы, "собранные особой экспедицией".

Точно также не выдерживает критики и сообщение А. Сержпутовского со ссылкой на официальные источники, что, "Еврейское Историко-этнографическое общество в настоящее время не существует". Официально Общество работы не прекращало даже в самые смутные времена 1917 – 1918 годов, музей же не открывали как из боязни грабежей, так и по банальной причине отсутствия финансирования.

Сейчас трудно сказать, была ли аргументация, приведенная сотрудниками РМ сознательным искажением фактов, или же они недостаточно владели информацией, но совершенно точно можно утверждать, что РМ, понимая значение материалов, собранных Ан-ским, ни в коем случае не хотел отдавать уникальную коллекцию.

В ответ на письмо ЕИЭО от 3 ноября 1922 года был составлен документ, которым РМ фактически отказывался возвращать полученные во временное хранение материалы: "Оглашено было отношение комитета Еврейского Историко-этнографического общества с просьбой о возвращении обществу коллекции бытовых и религиозных предметов евреев, переданную в 1917 году С.А. Раппопортом (Ан-ским) на хранение в Отдел.

По установленному в Русском музее положению, все коллекции, принимаемые на хранение и невостребованные в течение года, поступают в собственность Отдела, в виду чего б[ывшим] заведующим Этнографическим отделом А.А. Миллером при приеме коллекции были объявлены Раппопорту условия хранения. Весной текущего года комиссия по ревизии резервных собраний Отдела доложила Совету отдела о хранящейся в музее коллекции Раппопорта, о каковой Совет в заседании своем от 8 июля с.г. имел особое

суждение и постановил, признавая совершенно исключительное научное значение коллекции, за истечением срока хранения, согласно правил Русского музея, считать коллекцию Раппопорта собственностью Этнографического отдела и приобрести ее к его собраниям.

Всесторонне обсудив обстоятельства настоящего дела, Совет постановил: а) признать крайне нежелательным изъятие из собраний Этнографического отдела коллекции Раппопорта, а хранение ее в частных руках государственно нецелесообразным; б) принимать во внимание циркулярное распоряжение Музейного отдела от [...] и Главмузея от 18 января с.г. за № 355, препроводить отношение Еврейского общества Ученому секретарю для доклада в Совете музея”²³.

24 декабря 1922 года Совет Русского музея постановил, что коллекция принадлежит музею, являясь неотъемлемой частью его фондов: “О коллекциях Раппопорта. На основании действующих правительствующих постановлений и распоряжений о частных коллекциях, поступивших на хранение в Государственные музеи, а равно установленного в Русском музее положения о таковых коллекциях, и имея в виду исключительное научное значение поступившей в 1917 году на хранение в Этнографический отдел Русского музея от члена Еврейского историко-этнографического общества С.А. Раппопорта коллекции культа и быта евреев, – Совет Русского музея, согласно с мнением совета Этнографического отдела, не признал возможным изъятие из собраний Этнографического отдела означенной коллекции. Подпись. (В. Альбрехт), 24 декабря 1922 г.”²⁴.

Мне не совсем понятны некоторые несовпадения в датах документов. Складывается впечатление, что составлены они были постфактум, как реакция на письма ЕИЭО и обращения последнего в руководящие органы. “В музейный отдел Акцентра. В 1917 г. заведующий Музеем Еврейского Историко-Этнографического Общества, ныне покойный писатель-этнограф С. Раппопорт (Ан-ский) в виду беспокойного времени, передал два ящика с наиболее ценными вещами на временное хранение в Этнографический Отдел Русского Музея.

До последнего времени Музей Еврейского Историко-Этнографического Общества не торопился с получением обратно своей коллекции, так как не было возможности открыть музей для посетителей.

В виду того, что в настоящее время музей достаточно обеспе-

чен и средствами и научными силами и в музее заканчиваются работы как для открытия его, так и по научному описанию коллекций, Общество просит распоряжения отдела о возвращении принадлежащих его музею коллекций. При этом общество просит принять во внимание не только неоспоримое право каждого научного учреждения на собранные его усилиями научные объекты, но в особенности на то, что объекты, находящиеся на хранении в Русском Музее составляют неразрывную часть огромного, цельного собрания из экспедиции покойного С.А. Раппопорта, снаряженной Обществом, и разрознивать такое собрание было бы равносильно полному научному обесценению всего собрания, тем более, что все научные данные о вещах, хранящихся в Русском музее, остались у Историко-этнографического общества. Председатель Общества, Директор музея”²⁵. Подтверждением этому может быть ошибка в дате передачи Ан-ским коллекции. В письме ЕИЭО указан 1917 г. (выделено шрифтом), в то время, как “Расписка” четко датирована 24 мая 1918 года. В документах РМ, датированных июлем 1922 г., также есть дата – 1918. И только после письма Общества с просьбой о возвращении переданных материалов в протоколах и выписках общества появляется неверно указанная дата.

Интересно отметить, что большинство дат, упоминаемых в письмах и документах ЕИЭО неверны, приведены со сдвигом на 1 год. Так, экспедиции датированы 1911–1917 годом (хотя в полевых условиях проходили в 1912–1914, а до 1918 существовали как отдельная структурная единица Общества; 1912 годом²⁶, вместо 1913 указан факт получения специального помещения для Общества и Музея²⁷).

Между двумя музеями (Российским этнографическим и Еврейским) завязалась оживленная переписка, во многом напоминающая тяжбу. В качестве арбитра обе стороны привлекали официальные советские органы Петрограда-Ленинграда. В мае 1923 года Еврейский музей направил в адрес Петроградского управления научных и научно-художественных учреждений официальное письмо: “Еврейское Историко-Этнографическое Общество и Музей его на запрос Академического центра относительно возвращения упомянутых предметов Музея из Этнографического Отдела считает нужным высказать следующее:

1) Предметы эти собраны специальными экспедициями Общества на специально для этого пожертвованные средства, так что в формальном праве Общества на эти предметы не может быть сомнений;

2) Предметы, хранящиеся в Русском Музее, часть единой коллекции, собранной экспедициями музея Историко-Этнографического Общества по единому плану и разрознивать их совершенно недопустимо с научной точки зрения...”²⁸.

Следует заметить, что представители официальных учреждений, не всегда понимая, о чем идет спор, заняли позицию невмешательства, предложив сторонам найти взаимоприемлемое решение (“В 1923 году по инициативе Общества, Музейный отдел вошел в рассмотрение вопроса о дальнейшем направлении и месте хранения коллекции Раппопорта и передал решение его взаимному соглашению Общества и Этнографического Отдела”²⁹).

Настойчивые просьбы Еврейского музея были частично удовлетворены, и летом 1923 года музей вновь открыл экспозицию для посетителей. Как следует из Отчета ЕИЭО, 17 июня 1923 года в Петрограде во вновь открывшемся Музее были представлены: “синагогальный комплекс” и “отдел еврейского быта с углами субботы и праздников”, организованы отделы “общественного быта (благотворительные дела и т.д.), хасидизма, детских игр” и “отдел искусства с музыкальным подотделом и подотделом изобразительных искусств”³⁰. Хочу особо обратить внимание на “музыкальный подотдел”, так как это позволит проследить судьбу части коллекции после 1929 г.

Как следует из письма Русского музея Заведующему Ленинградским отделением Главнауки, написанного, вероятно, в начале 1925 г. (документ не датирован), Еврейскому отделу была передана, приблизительно, половина коллекции Ан-ского (напомним, что в пяти ящиках содержалось 390 предметов). “В настоящее время такое соглашение между председателем общества и заведующим Этнографическим Отделом состоялось и подтверждено постановлением Совета Этнографического Отдела.

В силу этого постановления Этнографический Отдел сохраняет за собою предметы, имеющие этнографический характер (одежда, обряды и незначительное число культовых предметов, всего 197 предметов) в качестве необходимого пополнения к своим основным собраниям и передает обществу большую часть культовых и все мемориальные предметы (всего 206 предметов)”³¹. Именно эти переданные “часть культовых и все мемориальные предметы” позволили Еврейскому музею открыть экспозицию.

Коллекцию, собранную Семеном Ан-ским в местечках “черты

оседлости”, впрочем, и музей, задуманный и осуществленный этнографом, на протяжении всего времени преследовал злой рок. Впервые Музей был открыт летом 1914 года, буквально вслед за этим разразилась Мировая война, все работы были приостановлены, а сотрудники Общества направили все силы на спасение документов и предметов в разрушенных местечках фронтовой зоны. Вторично Музей открылся летом 1917 г., а уже в октябре началась Революция, сопровождавшаяся террором и беспорядками. А весной 1924 г., когда, казалось бы, были практически решены все вопросы по передаче коллекции из РМ, налажена перевозка материалов и сформирована экспозиция, случилось одно из сильнейших наводнений на Неве. Часть материалов из Этнографических фондов была залита водой, требовала реставрации (“Наводнение 1924 г. задержало разрешение этого вопроса”³²). Сохранившееся в архиве Русского музея письмо от 13 марта 1926 г. за подписью Л. Штернберга свидетельствует, что к началу года реставрационные работы были выполнены, а оба музея пришли к взаимовыгодному решению: “С 1923 г. между Обществом и Этнографическим Отделом велись переговоры о возвращении этой коллекции, составляющей неразрывную часть ценной большой коллекции, собранной специальной этнографической экспедицией Общества. Музейный отдел, через который велись эти переговоры, предоставил решение вопроса взаимному соглашению Общества и Этнографического Отдела, каковое соглашение состоялось между председателем Общества и заведующим Этнографического Отдела. По случаю наводнения часть этой коллекции подверглась реставрации и поэтому передача коллекции задержалась. В настоящее время, в виду того, что реставрация теперь окончилась, Общество просит вернуть ему по распоряжению Отдела упомянутую коллекцию.

Общество, со своей стороны, заинтересованное в постоянном контакте с Этнографическим Отделом, собирающим предметы еврейского быта, будет считать своим приятным долгом оказывать всякие содействия по сбору желательных объектов из еврейского быта”³³.

Правда, в письме почему-то упоминаются только “два ящика с наиболее ценными вещами”, а не пять. Возможно, в трех ящиках, которые не упоминаются в письме, подписанном Штернбергом, хранилась часть коллекции, вошедшая в состав фондов Этнографического отдела (одежда, обрядовые вещи и прочее, в количестве 197 предметов), а в двух – все остальное.

Но на этом спор между двумя организациями не окончился. В право наследование вмешалась еще одна структура – Белорусский музей, в котором в середине 20-х годов XX века был создан специальный еврейский отдел. Мотивируя свое обращение тем, что коллекция Ан-ского была собрана в Белоруссии, руководители Белорусского музея обратились в Наркомпрос с настоятельной просьбой о передаче ее БССР. В свою очередь Главнаука направила в Этнографический отдел Русского музея официальный запрос о составе коллекции: “Главнаука, 14 июня 1926 г. В Русский Музей, Этнографический Отдел. Отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса настоящим предлагает представить спешной почтой характеристику коллекции Ан-ского в отношении ее связи с Белоруссией, ввиду того, что БССР сделала заявку на выдачу ее Белорусскому Музею”³⁴.

Распоряжением Главнауки и Наркомпроса была приостановлена передача всех материалов в Музей ЕИЭО до особого распоряжения, а, фактически, до решения вопроса с Белорусским музеем. Русский музей, в свою очередь, направил в октябре 1926 г. письмо, из которого следует, что вся коллекция должна была быть разделена между двумя музеями, находившимися в Ленинграде. “Уполномоченному Наркомпроса по Сев-Зап. Области. 7-го июля 1926 г. за № 1034 Государственному Русскому Музею был представлен заведующему ЛО Главнауки проект распределения коллекции предметов быта и культа евреев, собранной С.А. Раппопортом (Анским) и хранящейся в Этнографическом Отделе Русского Музея.

Проект предусматривал распределение означенной коллекции между Этнографическим Отделом Русского Музея и Музеем Еврейского Историко-Этнографического Общества и к нему были приложены списки предметов, согласно намечающемуся распределению.

В связи с передачей настоящего дела на разрешение методической комиссии, МО Главнауки распоряжением от 6.7. с.г. за № 8047 указал приостановить намечавшееся распределение коллекции С.А. Раппопорта”³⁵. Вторым письмом Русский музей уведомлял Главнауку, что вопрос о передаче коллекции Ан-ского в БССР не подлежит рассмотрению, так как вся коллекция собиралась на территории Украины и, таким образом, к этнографии Белоруссии не имеет никакого отношения. “В музейный отдел Главнауки Этнографический Отдел Государственного Русского Музея сообщает, что коллекция С.А. Раппопорта была собрана вначале европей-

ской войны при эвакуации, связанной с отступлением русских войск из Польши и Волыни. Таким образом, коллекция Раппопорта территориально с Белоруссией не связана, с [белорусской культурой] все предметы, входящие в эту коллекцию, по своему характеру ничего общего не имеют³⁶.

В это же время появился еще один претендент на уникальное собрание – Институт еврейской культуры (позже – Институт еврейской пролетарской культуры), основанный Украинской Академией наук. Директор института И. Либерберг обратился в высшие органы советского государства с просьбой о помощи в формировании библиотеки и архива нового института, не забыв упомянуть и собранную в Подолии и Волыни коллекцию, хотя, в структуре Института еврейской культуры музейная экспозиция не была предусмотрена. На тот момент обращение Либерберга осталось без ответа, вопрос же о передаче материалов в Киев возник уже через 3 года.

В течение 1927–1928 гг. оба музея (Русский и музей ЕИЭО) работали над созданием экспозиций и выставок, лекциями, систематизацией и описанием материалов и коллекций.

Еще раз вопрос о распределении коллекции Ан-ского был поднят по инициативе нового руководства ЕИЭО. В архиве Русского музея сохранилось письмо, подписанное А. Брамсоном (заместителем председателя ЕИЭО) и главным хранителем Музея С. Юдовиним. Последний был непосредственным участником Экспедиций 1912–1914 гг., в которых работал фотографом. Позднее, в составе специального этнографического отдела общества описывал собранные материалы, готовил их к научной публикации, следовательно, как никто другой, прекрасно знал материалы и их значение для Еврейского музея. “3 апреля 1929 г. № 5. В Этнографический Отдел Русского Музея. Ленинград.

Музей Еврейского Историко-Этнографического Общества перешел в свое время на хранение Этнографическому Отделу Русского Музея коллекции по еврейской этнографии и истории, собранные инициатором музея С.А. Ан-ским – Раппопортом. Часть этих коллекций была в последние годы использована Этнографическим Отделом для экспонирования в музейных витринах, посвященных быту евреев, другая же часть осталась в складах Этнографического Отдела. Возбуждавшийся неоднократно Еврейским Историко-Этнографическим Обществом вопрос о передаче ему коллекций не получил благоприятного решения, между тем весь материал, нахо-

дящийся на хранении в фондах Этнографического Отдела по своему характеру и составу совершенно не пригоден для задач Этнографического Отдела, но вполне соответствует тем заданиям, которые ставит себе Еврейское Историко-Этнографическое Общество.

Комитет Общества обращается поэтому в Этнографический Отдел с ходатайством о пересмотре назначения всех предметов из коллекции Ан-ского, находящихся в складах Отдела и о передаче в Музей Еврейского Историко-Этнографического Общества тех из них, которые по своему характеру и существу не могут быть использованы Этнографическим Отделом и будут только бесполезно загружать помещение.

Еврейский Историко-Этнографический Музей уже более 10-ти лет выполняет перед государством и общественностью крупную культурную задачу, накапливая и изучая еврейские культурные ценности во всех видах и отраслях народного творчества. Всякое пополнение собранных им коллекций только усилит его культурно-просветительское значение и повысит ценность выполняемых общественным путем задач.

Это дает Комитету Общества право рассчитывать на удовлетворение настоящего ходатайства, ничем не нарушающего интересов Этнографического Отдела, а только восстанавливающего в некоторой части полноту тех коллекций, которым в недавнем прошлом располагал еврейский историко-этнографический музей.

Зам. председателя комитета Общества д-р А.М. Брамсон. Хранитель музея С. Юдовин³⁷.

В ответ на это письмо, директор Русского музея выразил согласие передать музею ЕИЭО часть коллекции из запасников Музея во временное хранение и использование в экспозиционной и просветительской работе. "В Музей ЕИЭО. В.О. 5 линия, д. 50. Этнографический Отдел Государственного Русского Музея обсудил возбужденный ЕИЭО вопрос (отношение от 3 апреля с.г., № 55) о возвращении музею общества хранящейся в резервах Этнографического Отдела части коллекции предметов культа и быта евреев, переданной в 1918 г. на хранение в Этнографический Отдел членом Еврейского Историко-Этнографического Общества С.А. Раппопортом (Ан-ским). ... В настоящее время Этнографический Отдел, не изменяя своего прежнего решения, но не имея также возможности окончательно изъять из своего состава упомянутую выше часть коллекции С.А. Раппопорта, не встречает однако препятствий к

временной передаче Музею Еврейского Историко-Этнографического Общества для изучения и экспозиции той части коллекции С.А. Раппопорта, которая в ближайшее время не будет использована Этнографическим Отделом в музейных целях (часть культовых и все мемориальные предметы).

Вместе с тем Государственный Русский Музей выражает уверенность, что Музей Еврейского Историко-Этнографического Общества, путем изучения и экспозиции введет их теперь же в научный обиход и использует их для широких общественно-просветительских целей. Директор Русского Музея П. Воробьев³⁸.

ЕИЭО с благодарностью приняли материалы коллекции, заверив Русский музей, что со своей стороны сделает все возможное для скорейшего введения полученного в научный и культурный оборот. "5 мая 1929 г. В Этнографический Отдел Государственного Русского Музея, Инженерная ул., д. 4. Подтверждая с глубоким удовлетворением отношение за № 1116 от 24. 04, Комитет Еврейского Историко-Этнографического Общества приносит Этнографическому Отделу свою признательность за выраженное ему доверие и обязуется со своей стороны все меры к тому, чтобы передаваемое на предложенных отделом условиях музейное имущество из коллекций, собранных С.А. Раппопортом, было самым широким образом использовано для культурных задач музея Общества. Тов. председателя комитета Общества д-р А.М. Брамсон. Хранитель музея С. Юдовин"³⁹.

Казалось бы, ситуация решилась к взаимному удовольствию, коллекция, формально оставаясь собственностью Русского музея, поступала в полное распоряжение ЕИЭО и обрела законное место в экспозиции Еврейского музея. В течение 1920-х годов музей ЕИЭО был едва ли не основным центром научной и просветительской работы еврейских ученых Петрограда-Ленинграда. С ним сотрудничали Э. Кисельгоф, И. Равребе, С. Юдовин, А. Брамсон, И. Гинцбург, Л. Штернберг, И. Лурье и многие другие. Как фонды, так и экспозиция пополнялись непосредственно собранными в экспедициях материалами. Особенно следует упомянуть об уникальной коллекции фольклорных и этнографических материалов, записях музыкального фольклора. Как совершенно справедливо отмечает В. Лукин, "коллекция художественного и музыкального творчества восточно-европейского еврейства этого единственного еврейского музея на территории РСФСР не имеют себе равных"⁴⁰.

Но, в конце 1929 года, случилось непредвиденное: 6 декабря,

руководствуясь “политической целесообразностью” партийные и советские органы Ленинграда приняли решение о ликвидации двух “еврейских буржуазных обществ” – Историко-этнографического и Общества для распространения просвещения между евреями в России (работало с 1861 г.). 1929 год – “год великого перелома” – время, когда советские органы направили карательную компанию на ленинградские научные учреждения, в которых еще работали “представители буржуазной науки”, сложившиеся как ученые до 1917 г. и далеко не всегда разделявшие идеологию пролетариата.

Постановление ленинградских властей о закрытии ЕИЭО, музея и ОПЕ, как и многие другие постановления, написано в тонах полной нетерпимости к “несоветским” структурам. “Музей, несмотря на наличие в нем весьма ценных с научной точки зрения экспонатов, которые могли бы быть использованы для антирелигиозной пропаганды, до сих пор по своей постановке приспособлен для пропаганды шовинистическо-религиозной идеологии”⁴¹. Закрытие обществ и музея направлено было на главную задачу, декларируемую как задачу “перешибить хребет ученой контрреволюции”⁴², соответственно невозможно было ожидать, что вопросы будут рассматриваться объективно.

После закрытия обществ и музея опять встал вопрос о собранных ими архивных и музейных материалах и о библиотечном собрании.

Первым к кому обратились представители советских органов, был, естественно, Этнографический отдел Русского музея. Уже через неделю дирекции РМ было направлено письмо: “НКВД РСФСР. Административный отдел Ленинградского областного исполкома и ленинградского совета раб., крест. и красн. деп. Отделение Административного надзора. В историко-этнографический отдел Русского музея.

21-430. 13/12-29 г. По постановлению адмтдела ЛОИ от 6/12 с.г. ликвидируется Еврейское историко-этнографическое о[бществ]во. В виду необходимости разрешения вопроса о целесообразном использовании музейно-этнографического имущества о[бществ]ва, просьба прислать В/ представителя на совещание комиссии (по сему вопросу), которое состоится в понедельник 16/12 (адрес: В.О. 5 линия, д. 50). Нач. отделения адмнадзора АО ЛОИ Камчатов”⁴³.

Одновременно с письмом Русскому музею было направлено сообщение еще двум претендентам на получение коллекции – Белорусскому музею в Минске и Институту еврейской культуры в Киеве.

В отличие от Русского музея, которому фактически принадлежала значительная часть коллекции, двум организациям было предложено заплатить за нее значительные суммы. “В Академию наук УССР и БССР. Еврейский отдел (организованное в г. Ленинграде Еврейское научное общество) сообщает, что оставшийся от ликвидированного Об[щества] распространения просвещения между евреями – Историко-этнографический музей, составляющий значительную ценность, может быть передан Академии наук УССР и БССР, но ввиду того, что Ленинградскому еврейскому научному обществу предъявляются иски, связанные с ликвидацией б[ывшего] ОПЕ, на 10 тыс. и к этому потребуется еще 6-10 тыс. рублей на организацию нового общества, Историко-Этнографический Музей может быть передан в распоряжение УССР и БССР Академии Наук при возмещении суммы 20 тыс. рублей и издания нескольких сборников Ленинградского Научного Еврейского Об[ществ]а. В виду срочности и важности вопроса просим прислать немедленно доверенное лицо для осмотра музея и ведения переговоров: ответ просим прислать на имя зам. Председателя О-ва, по адресу: Л., Мойка, д. 51, кв. 9. Ученый секретарь Кацман”⁴⁴.

От Русского музея в заседаниях специально созданной ликвидационной комиссии, в компетенции которой было распределение фондов музея, архива и библиотеки закрытых обществ, участвовал ученый секретарь Этнографического отдела РМ А. Зарембский. Сразу по окончании заседания он составил достаточно пространную служебную записку, в которой подробнейшим образом изложил суть рассматриваемых вопросов. “22 декабря 1929 г. 6 час. вечера. Заведующему этнографическим отделом Г[осударственного] Р[усского] Музея.

Постановлением Административного отдела Ленинградского областного исполкома от 6-го сего декабря было ликвидировано Еврейское Историко-Этнографическое Общество и создана специальная комиссия для решения вопроса о целесообразном использовании музейно-этнографического имущества общества.

В еврейском музее имеются значительные собрания культовых предметов и предметов синагогального убранства, коллекции по верованиям и обрядам, по царскому быту, по некоторым народным производствам, большое собрание фотографий, негативов и рисунков типов, построек, занятий и обрядов в старом еврейском местечке, собрание картин, рисунков и скульптур художников-евреев на еврейские темы, большинство которых имеет значительный этногра-

фический интерес, около 500 фонографических валиков с записями народных песен, библиотека и архив.

Собрание еврейского музея является прекрасным дополнением к коллекциям, имеющимся в Этнографическом Отделе и могли бы быть широко использованы в нем...

Поэтому в заседании ликвидационной комиссии 16/12 я – в качестве представителя Этнографического Отдела – настаивал на передаче всего Еврейского музея в Этнографический Отдел.

Ликвидационная комиссия согласилась с моим предложением и предложила немедленно же приступить к приемке и перевозу Музея, предоставив для окончания работ, как предельный, месячный срок.

К работам по приемке, я, по предложению ликвидационной комиссии и в присутствии представителей ликвидационной комиссии т. Фишера и т. Калинина, приступил в пятницу 20 декабря.

21-го на работу были направлены еще 2 научных сотрудника и 2 научно-технических. В этот день было отобрано и уложено большое количество основных коллекций. Сегодня, 22 декабря они на двух подводах были, с разрешения представителя ликвидационной комиссии, перевезены в Этнографический Отдел (10 сундуков, 1 ящик и несколько крупных предметов).

... Однако, в конце дня в помещение Еврейского музея явился председатель [...] ликвидационной комиссии, начальник отделения Админнадзора Аблои т. Камчатов, и заявил, что по протесту Еврейской секции при областном комитете партии, решение ликвидационной комиссии о передаче Еврейского музея в Этнографический Отдел отменяется, передача приостанавливается, а переданные уже вещи подлежат возврату. На полученное музеем претендует вновь (20 декабря) организованное при еврейской секции еврейское марксистское историческое общество, которое (кажется в телеграфном порядке) возбуждает об этом вопрос в центре.

Т. Камчатов “дня через три” предполагал допустить представителей нового общества к приемке имущества. Я все же не могу не отметить, что вновь намечающееся решение коренным образом противоречит основному направлению в музейном строительстве, с достаточной четкостью сформулированному начальником Главнауки т. Лупполом на декабрьской музейной конференции.

Как музейный работник, должен также указать, что еврейский музей по своей материальной необеспеченности, лишен был воз-

возможности создать для своих собраний условия, обеспечивающие их дальнейшую сохранность. Убежден, что еще в меньшей степени ими будет располагать вновь создающееся еврейское историко-марксистское общество.

В виду срочности настоящего дела мною был сделан подробный доклад о нем члену правления Русского музея т. К.Т. Ивасенко-Чумаку (ибо директор музея болен, а его заместителя уже не было в музее)⁴⁵.

На основании этой записки руководство музея направило в Главнауку официальный запрос на передачу этнографической коллекции в ведение музея, указав, что “непосредственно и настоятельно Государственный Русский Музей заинтересован в этнографических собраниях (культовые предметы, предметы синагогального убранства, коллекции по верованиям и обрядам, по детскому быту, по некоторым народным производствам), в собраниях фотографий (старое еврейское местечко) и в собраниях народных мелодий и песен”⁴⁶. И далее – “В ликвидационную комиссию по делам бывшего Еврейского Историко-Этнографического Общества. При рассмотрении вопроса о наилучшем использовании имущества б. Еврейского Историко-Этнографического Общества Государственный Русский Музей просит учесть следующие соображения:

Этнографический Отдел Государственного Русского Музея.

1) является крупнейшим в Союзе музеем мирового значения, в котором, в противоположность всем остальным народам Союза, евреи представлены чрезвычайно слабо и неполно; еврейская не может быть не заинтересована, дабы этот пробел был надлежащим образом заполнен.

2) Этнографический отдел широко развернул политико-просветительную работу...

3) В Этнографическом Отделе имеются собрания не только по европейским евреям, но и по евреям Кавказа и Ср[едней] Азии; таким образом задачи Этнографического Отдела шире задач республиканских музеев и в этой своей части Этнографический Отдел является как бы центральным музеем для всего еврейского народа.

4) Собрания Этнографического Отдела по своему нахождению в Ленинграде, крупнейшем научном и культурном центре, богатом высококвалифицированными научными силами, более доступны как для советских, так и для иностранных ученых и скорее подвергаются научной обработке.

5) ... музейное хранение, квалификация реставраторов и экспозиционщиков.

Исходя из этих соображений Государственный Русский Музей, не претендуя на архив, библиотеку и значительную часть художественного собрания б. Еврейского Музея, полагает наиболее целесообразным передать в его Этнографический Отдел всю музейно-этнографическую часть коллекций, собрание фотографий, музыкальные собрания (фоновалики с записями народных песен) и ту часть картин, которая либо широко бытует в народной среде, либо имеет определенное этнографическое содержание⁴⁷.

В этом же письме дирекция Русского музея, определяя приоритеты, замечала, что “Архив и библиотека представляют наибольший интерес как для общества евреев-марксистов, так и для Белорусского Музея. Русский Музей заинтересован в них лишь частично, и вполне удовлетворился бы незначительным количеством чисто этнографических записей и книг”⁴⁸.

В феврале 1930 г. на коллекцию Еврейского музея предъявила претензии еще одна организация, созданная в Москве – Государственный центральный музей народоведения. Правда, следует заметить, что претендовали они только на “дублетные и ненужные материалы”⁴⁹. Запрос о передаче материалов был направлен одновременно в Русский музей и Главнауку. В архиве музея сохранился оригинал, на котором рукой директора наложена резолюция: “Имеется резолюция Русского Музея: Ответить, что Еврейский Историко-Этнографический Музей передан в УССР. 24.2.30”⁵⁰. Главнаука, стараясь удовлетворить претензии нового музея, работавшего в столице под непосредственным руководством центральных партийных органов, согласилась с тем, что все материалы и документы Еврейского музея поступят в Русский музей при условии, что дублеты будут отправлены в Москву. “Народный комиссариат по просвещению РСФСР. 25 февраля 1930 г. В Упр. Уполн. НКП по Ленинграду. Копии: В Русский Музей, Центральный музей народоведения.

Главнаука не возражает против передачи музейного имущества б. Еврейского Общества в Государственный Русский Музей с тем, чтобы дублетные материалы были выданы Центр[альному] Музею народоведения. Зав. Главнаукой Вольгер. Уч. Специалист Левинзон”⁵¹.

Уже на следующий день дирекция Русского музея направила московским коллегам письмо. “Русский Музей. Этнографическое

Общество, 25 февраля 1930 г. В государственный центральный музей народоведения. В ответ на ваш запрос от 19.2.30 за № 345 Этнографический Отдел Государственного Русского Музея сообщает, что [по имеющимся сведениям – вычеркнуто] Еврейский Историко-Этнографический Музей передан УССР⁵².

Дальнейшую судьбу коллекции Еврейского музея можно частично восстановить только по публикациям, появившимся в 30-е годы в прессе.

В 1930 г. издание ОЗЕТ-овское “Биро-Биджан”, выходявшее в Харбине, опубликовало статью “Трудящиеся евреи Украины и БССР приобрели ценное культурное сокровище”. “Киевский институт еврейской культуры и еврейская секция Белорусского научного института в Минске приобрели огромный культурный клад. К ним перешли ценная библиотека и музей “ОПЕ”⁵³.

“Как только стало известно о ликвидации “ОПЕ”, украинский наркомпрос обратился с просьбой о переводе библиотеки и музея в Киев. Наркомпрос в своем отношении сослался на то, что еврейская буржуазия сконцентрировала огромные культурные ценности не там, где еврейские трудящиеся живут компактными массами. Сейчас, после революции, еврейские трудящиеся создают свою культуру и для этой цели воздвигли знаменитый киевский институт еврейской культуры и науки при Всеукраинской академии наук. ... Комиссариат поэтому предлагает, чтобы все ленинградские культурные сокровища “ОПЕ” были переданы киевскому еврейскому научному институту. ... Одновременно поступило аналогичное отношение из Минска. Правительство БССР в своем отношении подчеркивает огромную и ценную культурную работу, проводимую еврейской секцией Белорусского научного института. В результате всего этого спора был принят следующий компромисс: предоставить всю библиотеку “ОПЕ” киевскому научному институту, а весь музей бывшего еврейского историко-этнографического общества со всеми его ценностями и архивами – еврейскому научному институту в Минске. Там имеется 150 тысяч экземпляров, среди которых множество редких старинных изданий, ценнейших манускриптов и рукописей на древнееврейском и арабском языках, принадлежащих к одиннадцатому и двенадцатому столетию, и т.д. Кроме того поступило 4 тысячи книг еврейского историко-этнографического общества, среди которых имеется знаменитая коллекция Ан-ского и др. Архивы: музыкальный архив еврейского историко-этнографичес-

кого общества, содержащий несколько тысяч музыкальных произведений, тексты и ноты. Весь архив “ОПЕ” 1863 года и мн. др.”⁵⁴.

Практически вся уникальная библиотека ОПЕ, часть его архива и коллекция еврейского музыкального фольклора (записи на фоноваликах, текстовые и нотные расшифровки) поступили в Киев в Институт еврейской пролетарской культуры, а после его ликвидации были переданы в Отдел еврейской литературы Центральной научной библиотеки АН УССР (ныне – Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского), где хранятся и сейчас⁵⁵.

В минском еврейском журнале “Штерн” за 1930 г. имеется маленькая заметка: “Музей ликвидированного буржуазного еврейского историко-этнографического общества в Ленинграде передается Белорусскому государственному музею”⁵⁶.

Так ли было на самом деле, или корреспондент выдавал желаемое за действительное, установить сейчас невозможно. Во время Второй мировой войны Минск был практически полностью разрушен, многие музейные коллекции погибли безвозвратно.

Совершенно точно можно утверждать, что часть коллекции Еврейского музея, собранной Семеном Ан-ским во время экспедиций или полученная музеем в дар, сохранилась в Российском этнографическом музее в Петербурге и представлена в его экспозиции.

Некоторые ритуальные предметы находятся сейчас в Музее исторических драгоценностей в Киеве, куда были переданы из Еврейского музея имени Менделе Мойхер Сфорима, работавшего в Одессе до 1941 года. К сожалению, документы о передаче коллекции и списки материалов пока не найдены.

Известна также судьба уникальных фотографий, сделанных С. Юдовиным и С. Ан-ским в 1912–1914 годах. Около 300 снимков находятся сейчас в архиве “Петербургской иудаики”, более 500 снимков – в фототеке Российского музея.

В Киеве, в Отделе фонда иудаики Института рукописи НБУВ хранится уникальная коллекция пинкасим (записных книг еврейских общин) из собрания музея ЕИЭО (более 100 единиц хранения), личный фонд Семена Ан-ского и архив еврейского музыкального фольклора, включающий 1017 восковых фоноцилиндров и более 5000 листов с нотными и текстовыми расшифровками.

¹ *Риверсман М.* Воспоминания и встречи. (1877–1915) // Еврейская летопись. –Л. ; М., 1924. – № 3. – С. 85.

² Копия недатированного (предположительно, 1911 г.) черновика плана и сметы 1-ой экспедиции. Цит. по: Лукин В. “...Академия, где будут изучать фольклор” (Ан-ский – идеолог еврейского музейного дела) // Еврейский музей : Сб. ст. – СПб., 2004. – С. 71.

³ Там же.

⁴ *Винавер М.* Недавнее. – Париж, 1926. – С. 290.

⁵ Черновик “Воззвания”. – Ин-т рукописи Нац. б-ки Украины им. В.И. Вернадского, ф. 190, № 107. – (Далее – ИР НБУВ).

⁶ Подробнее см.: “Известия ЕИЭО” // Еврейская старина. – СПб., 1914. – Вып. 7. – С. 511; также “Отчёт ЕИЭО за 1914 г.”, приплетен к журналу “Еврейская старина”, вып. 8 (1915).

⁷ “Докладная записка по поводу Еврейской Этнографической экспедиции имени барона Г.О. Гинцбурга” – YIVO Archives, RG. 1.2 (An-sky’ Historical-Ethnographical Society), folder 77.

⁸ “В историко-этнографическом обществе” // Рассвет. – СПб., 1914. – № 17. – С. 31–32.

⁹ Там же.

¹⁰ *Ратпоорт С. (С. Ан-ский).* “О еврейской этнографической экспедиции” // Еврейская жизнь. – Пг., 1917. – 30 апр. – С. 34–35.

¹¹ Об эвакуации памятников старины народного искусства и предметов культы см.: По сообщению ЕИЭО // Дело помощи. – Пг., 1916. – № 3. – С. 15–18; Протокол заседания Комитета ЕИЭО от 13.2.1916 // Центр. гос. ист. арх. Санкт-Петербурга, ф. 2129, оп. 1, д. 60, л. 7. – (Далее – ЦГИАП).

Подробнее о деятельности ЕИЭО по спасению произведений народного искусства см.: В. Лукин, От народничества к народу (С.А. Ан-ский – этнограф восточно-европейского еврейства), Евреи в России. История и культура: Сборник статей. – СПб., 1995. – С. 140–142, 158–159.

Борис Рубштейн (1882, Крюков – репрессирован и погиб в 1934, Одесса), сотрудник Общества любителей еврейской старины в Вильно (1913–1914), член ЕИЭО в Петербурге, с 1927 г. – директор, затем главный хранитель Музея еврейской пролетарской культуры имени Менделе Мойхер-Сфорим в Одессе.

¹² Сальвиан Гольдштейн (1855, Варшава – 1926, Ленинград) археограф и историк, член редакции Еврейской старины, председатель Архивной комиссии ЕИЭО, заведующий архивом и музеем Общества.

¹³ Переписка И. Лурье и С. Ан-ского. – ОФИ ИР НБУВ, ф. 339, № 661–669.

¹⁴ См.: От Комитета ЕИЭО. Музей и Архив // Новый путь – Пг., 1917. – № 18/19 (21 мая). – С. 34; Согласно Протоколу от 2. 5. 1917, Комитет ЕИЭО постановил “открыть Музей для широкой публики по пятницам, воскресеньям и вторникам от 11-и до 2-х часов дня, напечатать об открытии музея в газетах” – ЦГИАП, ф. 2129, оп. 1, д. 77, л. 7. (Цит. по: Лукин В. “...Академия, где будут изучать фольклор”...).

¹⁵ ИР НБУВ, ф.190, ед. 78, л. 9 об.

¹⁶ Там же, л. 16.

¹⁷ Письма в редакцию // Еврейская жизнь. – М., 1917. – № 20 (21 мая). – Стб. 26.

¹⁸ *Дубнов С.* Книга жизни. – М., 2004. – С. 437–438.

¹⁹ Предварительная расписка. – Росс. этногр. музей. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 16. – (Далее – РЭМ).

²⁰ Суммарная опись [предметов еврейской художественно-этнографической старины, собранных этнографической экспедицией, организованной С. Раппопортом – Ан-ским] . – Там же, л. 17 – 17 об.

²¹ Письмо Комитета Еврейского историко-этнографического общества – в Совет Этнографического отдела Р[усского] М[узея] от 3. 11. 1922., № 410. – Там же, л. 10.

²² Выписки из журнала заседаний Совета Этнографического отдела Русского музея от 8 июля 1922 г., журн. № 419. // Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 1.

²³ Выписки из Журнала заседаний Совета Этнографического отдела Русского Музея от 9-го ноября 1922 г. журн. № 426. – РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 5.

²⁴ Выписка из журнала Совета Русского музея. 7 декабря. – РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 9. Мне не совсем понятны некоторые несовпадения в датах документов. Складывается впечатление, что составлены они были постфактум, как реакция на письма ЕИЭО и обращения последнего в руководящие органы.

²⁵ [В музейный отдел Акцентра] //Арх. Рос. акаде. наук , ф. 282, оп. 2, ед. хр. 246, л. 780. – (Далее – Арх. РАН).

²⁶ [Сведения об Еврейском музее] // Там же, л. 781.

²⁷ Подробней об Экспедиции см.: *Сергеева I.A.* Архівна спадщина Семена Ан-ського у фондах Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. – К., 2006. – 506 с.; *Сергеева И.* Хождение в еврейский народ: Этнографические экспедиции Семена Ан-ского //Ab Imprio. – Казань, 2004. – Вып. 4; *Лукин В.* “Академия, где будут изучать фольклор” (Ан-ский – идеолог еврейского музейного дела) // Еврейский музей: Сб. ст. – СПб., 2004. – С. 57–94.

²⁸ [Письмо Еврейского Историко-Этнографического Общества] от 2 мая 1923 г. № 18. (Черновик). – Арх. РАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 246, л. 358–359.

²⁹ [Информация Заведующему Ленинградским отделением Главнауки, [1925]. – РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 75 об.

³⁰ Деятельность Еврейского историко-этнографического общества за 1923 год // Еврейская старина. – СПб., 1924. – № 11. – С. 396–397. – Цит по: *Лукин В.* Академия, где будут изучать фольклор...” – С. 88.

³¹ [Информация Заведующему Ленинградским отделением Главнауки, [1925]. – РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 75 об.

³² Там же.

³³ Письмо Еврейского Историко-этнографического общества в Этнографический Отдел Русского Музея, 13 марта 1926 г. – Там же, л. 74.

³⁴ Письмо Главнауки Этнографическому отделу Российского музея от 14 июня 1926 г. – Там же, л. 85.

³⁵ Письмо Государственного Российского музея Уполномоченному Наркомпроса по Северо-Западной области от 8 октября 1926 г. – Там же, л. 89.

³⁶ Письмо Государственного Российского музея в музейный отдел Главнауки. Без даты. – Там же, л. 90.

³⁷ Письмо Еврейского Историко-этнографического о[бществ]а Этнографическому отделу Российского музея от 3 апреля 1929 г. – Там же, л. 53–53 об.

³⁸ Письмо Российского музея Еврейскому историко-этнографическому обществу от 24 апреля 1929 г. – Там же, л. 52.

³⁹ Письмо Еврейского историко-этнографического общества Российскому музею от 2 июня 1929 г. – Там же, л. 55.

⁴⁰ *Лукин В.* От народничества к народу... – С. 146.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Письмо Админотдела Ленинградского исполкома Этнографическому отделу Российского музея от 13 декабря 1929 г. – РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 107, л. 46.

⁴⁴ Письмо Еврейского отдела (Ленинградского Еврейского научного общества в Академии наук УССР и БССР). – Без даты. – Там же, л. 51.

⁴⁵ Служебная записка Ученого секретаря Этнографического отдела Российского музея А. Зарембовского. 22 декабря 1929 г. – Там же, л. 47–48.

⁴⁶ Письмо Государственного Российского музея Заведующему Главнаукой т. Лупполу. Январь 1930 г. – Там же, л. 49–50.

⁴⁷ Письмо директора Российского музея в ликвидационную комиссию. По делам бывшего ЕИЭО. Без даты. – Там же, л. 67.

⁴⁸ Письмо Государственного Российского музея Заведующему Главнаукой т. Лупполу. Январь 1930 г. – Там же, л. 66–66 об.

⁴⁹ Письмо директора Государственного Российского музея Плисецкого Государственному центральному музею народоведения в Москве от 19 февраля 1930 г. – Там же, л. 69.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Письмо заведующего Главнаукой Вольтера в Управление уполномоченных НКП по Ленинграду от 25 февраля 1930 г. – Там же, л. 70.

⁵² Там же.

⁵³ Биро-Биджан : Сб. ст. – Харбин, 1930. – С. 51.

⁵⁴ Там же. – С. 52.

⁵⁵ Подробней об истории библиотеки и коллекции фоноваликов с за-

писями єврейського фольклору см.: *Сергеева И., Горшихина О.* Деятельность Киевского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России в конце XIX – начале XX вв. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. – СПб., 1993; *Сергеева И.* З історії формування колекції єврейської літератури Національної бібліотеки України (1918–1939) // Бібл. вісн. – К., 1996, № 6; *Сергеева И.* Архівна спадщина Семена Ан-ського у фондах Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. – К., 2006. – 544 с.; *Сергеева И.* Уникальное собрание документов и материалов по еврейской истории, этнографии, фольклору: прошлое и настоящее // Десять років єврейського національного відродження в пострадянських країнах: Досвід, проблеми, перспективи: Зб. наук. праць. Матеріали конф. 28–30 серп. 2000 р. – К., 2001. – С. 273–282; *Шолохова Л.* Про колекцію єврейського фольклору в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського // Наук. зап. Ін-ту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. – К., 1998. – Вип. 4. – С. 175 – 183; *Шолохова Л.* Фоноархів єврейського музичного фольклору у фондах Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. – К., 2001. – 804 с.; *Дубровіна Л., Опищенко О.* Історія Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського, 1918–1941. – К., 1998.

⁵⁶ Штерн. – Минск, 1930. – № 2/3. – С. 127.

Summary

In the article the author analyzes the preconditions of creation of the first Jewish museum in St.Petersburg in 1914, clarifies the process of accumulation of exhibits for the museum exposition, defines the role of S.A. An-sky in opening of the Museum of the Jewish Historical-Ethnographic Society and its activities after 1917.

Key words: Museum of the Jewish Historical-Ethnographic Society, S.A. An-sky, ethnographic studies, folklore, exhibits.